

Да-Ру удивился, когда к нему обратился глупый Мордвин. Ещё сильнее он удивился, когда некромант озвучил ему свою просьбу.

Возможно, глупый человек думал, что он обидится на его просьбу, возмутится ей, но...

Да-Ру был в восторге.

Он знал ту, кто подарила ему жизнь, лишь по памяти крови. Памяти неуловимой, во многом неполноценной и противоречивой. Драконы были разными, и у каждого из них было своё мнение, своя воля и свои желания. Маленький дракончик мечтал увидеть настоящего взрослого сородича воочию. Мечтал увидеть, как он взмывает в небо, повелевая им.

Юный Да-Ру с нетерпением ждал возвращение глупого Мордвина. В принципе не понимал, почему он должен был возмущаться этому: душа той, кто его породила, давно отправилась на перерождение. Она не умерла так, как желала того. Не отдала свою жизнь в бою, в небесах, вместо этого отправившись в следующую жизнь на земле, покалеченная, практически беспомощная.

Неужели глупый Мордвин верил, что сможет позвать её эхо собственными силами?..

Глупый. Глупый Мордвин.

Его мать находилась на том уровне могущества, когда один её слепок мог оттолкнуть волю некроманта, поглотить его, убить. Всё зависело исключительно от воли великой повелительницы неба, но никак не от действий глупого Мордвина. Лишь самую малость.

Раз он смог её исцелить, пусть даже частично, значит, она сама того желала.

Настоящей проблемой для молодого дракона было убедить глупую самку глупого Мордвина слушаться его. Она явно была по какой-то причине очень зла на глупого Мордвина, но, честно говоря, маленький дракончик не хотел сейчас задумываться над причиной и следствием.

Люди были глупыми букашками, среди которых иногда попадались чуть более умные, но всё равно глупые представители. Так что нет смысла об этом думать как-то слишком глубоко.

— Это дерево...

Да-Ру отвлечённо перевёл взгляд на глупую самку. Поняв, о чём она говорит, обратил внимание на гигантское дерево, прораставшее прямо из их дома.

Вся их территория постепенно обрастала многочисленными растениями, и если сначала это было незаметно, то чем больше проходило времени с момента отправки — тем очевиднее всё

зарастало, и особенно их дом. Внутри него давным-давно росло дерево прямо в комнате Нориэля, и сейчас, по воле эльфа, оно начало по-настоящему расцветать.

— Учитель посадил здесь особенный лес по просьбе глупого Мордвина.

— Зачем? — нахмурилась женщина.

— Не знаю.

— Что будет с...

— Букашек лес не тронет, — важно заметил Да-Ру. — Но они и так убегут, когда увидят, что здесь происходит.

Каура, понимая, что её избранник не посчитал нужным ей что-либо рассказывать, опустила голову.

— Трус.

Дракончик щелкнул хвостом по земле.

Глупый Мордвин и глупая самка Мордвина. И вылупившееся яйцо у них глупое. Когда оно вырастет, если не найдёт себе умную самку, на их роду можно было ставить крест.

Пускай сами разбираются. Либо не разбираются. Это не его дело.

Он знал, что произойдёт что-то плохое. Догадывался, что это их последняя встреча с глупым Мордвином. Испытывал грусть из-за этого. Глупый человек стал ему близок, также как и его глупая самка с глупым яйцом.

К счастью, глупый человек решил поступить так, как поступил бы его любой настоящий сородич: смысл свой позор кровью.

Да-Ру поднял взгляд на небо, чувствуя приближение чего-то родственного. Искажённого, неправильного, но от этого только более заметного. Кровь дракончика начала кипеть, его зрачок вытянулся, на лицо вылез широкий оскал.

В небе начала подниматься огненная буря, потоки энергии закрутились в безумном танце.

Он увидел.

Они ненавидели своего отца. Ненавидели все, от мала до велика. Их можно было понять: весть о том, что отец помнил про них, звал в столицу, подарила им надежду.

Большая часть детей была беспризорниками. Их матери, родившие дитя от человека, с которым они виделись всего раз, становились презируемыми изгоями, потаскухами, и судьба их детей была не лучше.

Путь в столицу с разных точек королевства нельзя было назвать простым. Большая часть шла на своих двоих, и одной только Богине известно, как много из них не смогло дойти.

Когда они впервые увидели родного отца, то подумали, что их жизнь станет лучше. Но вместо этого они стали презируемыми изгоями, и чем больше времени проходило — тем сильнее их ненавидели, тем больше их презирали.

Отец не подарил им тепла. Лишь сосредоточился на обучении. Обучении жёстком, холодном. Они быстро привыкли к подавляющей ауре отца.

Им не потребовалось много времени, чтобы понять, что он не был их отцом. Лишь холодным учителем и наставником, с которыми разделял одну кровь. И это не могло не ранить детей.

Их пытался поддерживать друг учителя и наставника, играл для них на флейте, рассказывал разные невообразимые истории, но этого было недостаточно.

Они видели, что их отец был способен на нежность. Видели, как он относился к безразличной к ним мачехе. Видели, как он относился к ребёнку, их брату, который даже не перенял их дарованное проклятье.

Это было ужасное чувство. Несправедливое. Он жил совсем в другом мире, мог стать следующим главой рода.

Несправедливо. Нечестно. Обидно.

С каждым днём в них укреплялось чувство, что они были чужаками не только для своего отца, но и для всего остального мира. Вера в Богиню у них умерла ещё раньше, чем вера в отца.

Они хорошо усвоили своё, дарованные проклятым даром родоначальника, место. Изгой. Они давно были готовы к незавидному будущему.

Поэтому для них не стало удивлением, когда их учитель и наставник, ненавистный отец, сказал, чтобы они покидали земли рода. Покидали и не возвращались, скрывая свою силу от всех и вся, только если не захотят погрузиться в свою силу ещё глубже.

Никто среди первого поколения не жалел. Мордвин сделал всё, чтобы его дети, обученные тому, что он познал за жизнь, ненавидели свою силу.

Они не откажутся от неё, будут развивать и передавать своим потомкам, но это не смоеет их ненависть к этой силе и тому, кто им её передал.

И особенно эти чувства укоренились, когда они увидели в небе направляющееся на столицу нечто, от немертвой силы которого они попадали на землю, безумно закричав.

Некромант не мог оставаться жить — это было очевидно. Мордвин и его род были бельмом. Бельмом, которое вызывало волнения. Раймунд признавал, что решение его отца было в корне ошибочным и жалкий глава целителей точно не стоил всего этого, но на тот момент сын не мог повлиять на действия короля.

Сперва Исцеляющего Трупы ещё можно было контролировать. У него не было полноценного рода, его сила была ограничена. Удавалось балансировать между помешательством старого целителя, чей род был для семьи и королевства незаменим, и некромантом, который на протяжении многих лет приносил пользу.

Пользу и вместе с тем — волнения. К сожалению, его отец ошибся и у Раймунда не оставалось выбора, кроме как работать с тем, что было.

Конечно, от некроманта можно было избавиться намного раньше. Когда он ещё не вошёл в силу, когда они впервые услышали, что он нарушил их запрет. Мало кто хотел иметь дела со вчерашним безродным беглецом, что осмелился тянуться к запретному. Чья сила пугала и вызывала инстинктивное отвращение.

Было ли их ошибкой, что они решили воспользоваться им чуть подольше? Что захотели, чтобы эльф никуда не уходил?

Не будь с некромантом длинноухого нелюдя, и всё решилось бы намного проще и быстрее. Но он был. Пришёл в столицу вместе с Исцеляющим Трупы и сразу показал силу столь уникальную и чарующую, что король просто не смог отказаться от неё. Был захвачен искусством, которое принёс нелюдь. Был захвачен самим нелюдем, что словно спустился с небес.

А вслед за ним и принц.

В какой-то момент Раймунд решил, что нелюдь и некромант ценнее. Что это может стоить всех свеч. Молодой мужчина увидел достаточно, чтобы поверить в это.

Но эльф отказался от его дружбы. Раймунд окончательно осознал, что нелюдь однажды обязательно уйдёт. В тот самый момент, когда так того сам захочет или захочет некромант. Как бы ему это было неприятно признавать, но им было не по пути.

А значит и потерь, которые приносил некромант, становилось больше, чем пользы.

Судьба Исцеляющего Трупы и его рода давно была предрешена.

Всё решилось бы намного быстрее, не начнись война против тварей и не принеси некромант столь неоценимую пользу, что от него избавился бы только последний дурак.

Целители были полезны и во время войны, и во время мира, тогда как некромант...

Некромант полноценно раскрывался лишь во время войны.

Раймунд хотел переиграть планы. Род некромантов всё ещё можно было использовать, нужно лишь поменять главу на более удобного. Но Исцеляющий Трупы, словно зная, о чём он подумал, лишил его такой возможности, показав всему королевству свою истинную сущность.

Сущность того, кто может в любой момент поднять армию людей и демонов, плюя на любые нормы морали и негласные правила, и прийти с этой армией в столицу. Сущность чудовища с чудовищной силой.

Казнь старого целителя должна была служить лишь предупреждением. В первую очередь — для целителей. Король не смог предугадать действий некроманта, и потому выкинул столь ценную фигуру слишком рано. Это была ошибка, и впоследствии мужчина осознал это.

Но было уже поздно что-либо менять.

У Раймунда не осталось выбора, кроме как пойти на поводу у Исцеляющего Трупы. И чем дальше заходила война, чем больше раскрывалось подробностей происходящего — тем больше

королю нужно было идти на поводу у проклятого некроманта.

Даже тогда, когда по королевству стали ходить слухи про тех, кто мог вселить страх в демонов.

Ещё никогда Раймунд не чувствовал, в какой опасности находилась его семья. Ещё никогда Раймунд не чувствовал, чтобы незримое внимание Богини, сопровождающее его на протяжении всей жизни, отдалилось столь сильно.

Он пытался поговорить с ней, просил откровение, но не ему ли знать, сколь редко она реагировала на слова и просьбы их семьи?

Большую часть времени, которое существует их семья, они справлялись сами. Они как никто другие знали, что они не были по-настоящему особенными. Всего лишь удобными.

Но если появится кто-то более удобный, то про них забудут.

Последний поход Мордвина, одного из первых «Героев», должен был поставить на нём и его роду крест. Король лично избрал сильнейших чудотворцев. Лично избрал сильнейших, которые ненавидели некроманта, что осмелился опорочить тела их родственников своей силой.

Недальновидные, подверженные эмоциям дураки.

Король знал, что его ложь могли обнаружить и потому прямо не врал. Добавил правило, дуэли. Он обязательно бы разрешил Мордвину сразиться с отцом, если бы тот принёс ему голову. Но он не принесёт.

Среди избранных Раймундом лишь Обжигающая не входила в его планы, но прямая просьба влиятельного рода заставила его склонить чашу весов в её сторону.

Она не должна была серьёзно повлиять на исполнение плана.

А там, если бы что-то пошло не так и некромант вернулся, смог бы вызвать отца на дуэль и победить...

Та, кто ему незримо помогла, в случае чего сможет закончить дело. Судьба эльфа его уже мало интересовала. Даже если он выживет, то просто будет изгнан. По взгляду нелюдя было очевидно, что договориться с ним уже было невозможно. Никак и ни в каком виде. Свою пользу он ещё принесёт.

Не носит же он своё прозвище просто так, не так ли?

Это был неплохой план. Не лучший, но он потенциально мог принести больше всего пользы. Вместе с окончанием войны против ужасающих тварей, он вместе с тем смог бы и стабилизировать ситуацию внутри королевства.

К сожалению, Раймунд вновь ошибся.

И, вероятно, лишь благодаря этому впервые за множество поколений член королевской семьи получил возможность ощутить настоящее...

Прикосновение Богини.

Первое, что почувствовали жители королевства, было чувство тревоги. Холод, неприятно пробегающий по спине. Всё ускоряющийся стук сердца. Судорожное дыхание, трясущиеся руки. Это почувствовали все. От мала и до велика. Приближение чего-то огромного, могущественного.

Это было лишь началом.

Затем неувовимо изменилась погода. Подул странный, промораживающий до костей ветер. Ранее безоблачное небо начало затягиваться тучами. Пошёл дождь, что прямо на глазах превращался в страшный ливень.

Поднялась паника. Кто-то закричал, кого-то толкнули, кто-то побежал, а за ним кто-то ещё и ещё. Ужас нахлынул столь неожиданно, что безумная толпа кинулась в рассыпную, не обращая внимание ни на что и ни на кого.

Возможно, не зря, ведь далеко не каждый хотел ощутить эхо существа, повелевавшего небом. Слепок создания, на спине которого стоял некромант, что прославится в веках. Но не как один из первых Героев, что принёс мир в королевство, а как ночной кошмар, которым будут пугать непослушных детей.

Раздалось рычание столь громкое и оглушительное, что задрожало само пространство. Послышался взмах огромных крыльев, вспышка пламени столь горячего и разрушительного, что не оставалось сомнений: появивсь у «этого» существа желание, и столицу было не спасти.

Всё королевство могло оказаться на грани полного уничтожения.

Могло, если бы сама повелительница неба того желала, и если бы обратившийся к слепку некромант того желал.

Не оставляя после себя разрушений, мёртвая драконица направилась в сторону земли целителей. Целителей, которых с каждым мгновением захватывала всё большая и большая паника.

Единственным, кто сохранял поразительное спокойствие, оставался глава рода Искателей Жизни, отец Мордвина, Мориан.

По какой-то причине он чувствовал, что это был его конец.

— Глава, нам нужно уходить.

Нервный голоса чудотворца, члена рода, брата первого из Героев и внука казнённого предателя, заставил Мориана на миг вернуться в реальность.

— Я больше не глава. Скорее всего твой брат мёртв, Тодвин. Я надеюсь, что ты не опозоришь наш род.

Так, как опозорил его он. Опозорил рождением чудовища и опозорил собственным поведением. Но было уже поздно что-то менять.

— Глава!

Проигнорировав племянника, Мориан направился на выход. Мелькавшие мимо него люди потеряли свои лица, превратившись в безликие фигуры. Восприятие пожилого мужчины сузилось до конкретной цели, приближающейся с невообразимой скоростью.

Мориан вышел на улицу, направившись подальше от дома их рода. Кто-то пытался его остановить, но пожилой мужчина далеко не просто так носил свой титул. Его тело было сильным, он мог оттолкнуть и сбить с дороги любого, кто хотел встать у него на пути.

И какой толк от его тела, если он даже не смог породить другое дитя?..

Мориан остановился на поляне, подняв взгляд в небо. Шёл ливень, завывали безумные ветра. Взмахи крыльев становились всё ближе, пока над ним не появилось... это.

К сожалению, это был первый раз, когда в королевстве видели взрослого дракона.

Повелительница неба неспешно приземлилась прямо напротив спокойного целителя,

презрительно фыркнув потоком пламени.

«Это... это он?»

«Да...»

Мёртвый некромант спрыгнул с тела драконицы, встав напротив отца. Видя состояние сына, целитель, хотел того или нет, сделал шаг назад.

— Ты... мёртв?

На лице трупа не дрогнул ни один мускул. Мордвин не стал ничего отвечать, он просто смотрел и наблюдал за реакцией человека, который его породил.

Стоило отдать должное Мориану, он пришёл в себя быстрее, чем можно было подумать.

— Ясно. Значит, вот как оборвался мой род... Забери мою душу, но не трогай род, Мордвин. Зла тебе желаю лишь я.

Мертвец какое-то время молчал. Его тело застыло, словно кукла.

«Твои потомки... потомки... Будут жить вопреки... Я не трону... не трону род в память о дедушке... дедушке...»

Пожилой целитель удивлённо распахнул глаза, после чего безумно захохотал, подняв взгляд на окрасившееся в красный небо. Возможно, лишь перед ликом смерти он испытал настоящую вину перед сыном.

Этого уже никто никогда не узнает.

Слепок мёртвой драконицы открыл пасть, выпустив поток мёртвого огня. Мориан покрылся пламенем, безумно закричав. Будь воля драконицы, и он бы умер мгновенно.

Но Мордвин не хотел, чтобы его смерть была столь лёгкой. Некромант и так пошёл на слишком большие уступки.

«Время... время ограничено... Моё пламя становится... становится всё иллюзорнее... Я хочу... хочу почувствовать вкус битвы... Хочу показать... показать своему дитя... дитя... Величие...»

Голос драконицы дошёл до духа Мордвина. Тот, смотря на тело отца, медленно кивнул.

Он помнил их уговор.

Лишь после смерти он открыл новые грани своей силы. Раньше некромант был уверен, что чудо могли использовать лишь захваченные души. Слепки просто не имели источника. Но оказалось, что даже слепки достаточно могущественных существ могли заставлять мир подчиняться их воле. Чудо — лишь проводник воли души. Существовали иные пути влиять на мир. Они просто не успели дотянуться до них.

Как жаль, что он это осознал тогда, когда чудо уже перестало приносить ему удовольствие.

Как и не получил он удовольствия от смерти того, кто разрушил всю его жизнь.

Он уже совсем ничего не чувствовал. Давно. Это не вызывало в нём ни горечи, ни радости. Ничего. Пустота.

Кажется, он что-то забыл. Вроде бы, он хотел попрощаться с любимым дитя и женой? Но почему он тогда передумал? Возможно, стоит найти её и попрощаться? Почему он говорил себе, что не должен этого делать?

Ах. Он не хотел, чтобы его видели таким. Злость даёт больше силы, чем горе. Мордвин хорошо это знал.

Как жаль?

Исцеляющий Трупы поднял взгляд на небо. Он знал, что его друг однажды познает все грани чуда. Нет, не чуда. Все грани мира, все грани души. Для бессмертного это лишь вопрос времени.

Пришло время получить долгожданное освобождение.

Площадь столицы, на которой возвышалась статуя безликой Богини, была абсолютно пустой, за исключением мёртвой драконицы, некроманта на ней и...

Раймунда.

Король стоял прямо под статуей Богини, но любой, кто знал бывшего принца и нынешнего короля, мог сказать, что это был не он. Что-то в нём неуловимо отличалось, начиная от языка тела и заканчивая атмосферой.

Шёл сильный ливень, начал подниматься смерч, но это нисколько не трогало ни мертвецов, ни спустившуюся в физический мир Богиню.

Она не могла игнорировать подобное. Она предупреждала.

И Мордвин воспользовался этим предупреждением.

Рядом с мёртвой драконицей и некромантом стояло тело наместника. В нём не было ни души, ни слепка, лишь пустая оболочка, каждым действием которого управлял исцеливший собственный труп мертвец.

Под взглядом Богини в теле короля Мордвин отдал последнюю команду. Труп без колебаний схватил свою голову, закованную в шлем, резким движением оторвав её, после чего как ни в чём не бывало кинул к ногам Богини в теле короля.

«Условия выполнены... выполнены...»

Селеста наклонилась к огромной голове твари, проведя рукой по шлему. Тот, поддавшись божественной силе, рассыпался в ничто. Богиня подняла взгляд на Мордвина.

— Несчастное дитя.

Голос аватара раздвоился, напоминая одновременно и голос короля, и совершенно непередаваемый, нечеловеческий голос Богини. Это был первый раз за очень долгое время, когда она проявилась в материальном мире столь явно. Столь близко приблизив свою сущность к материи.

Король ещё не осознавал, насколько это было разрушительно для него. И, скорее всего, не осознает.

Пространство задрожало ещё сильнее, грозясь треснуть.

Богиня в теле короля подняла руку. Грозовое облако резко развеялось, словно его никогда и не было. С неба ударил яркий, солнечный свет. Солнечный свет, что начал принимать форму небесного копия.

Слепок драконицы возбуждённо зарычал. Мордвин не проронил ни звука, смотря на луч света, что обещал подарить его душе покой.

«Это красиво... красиво?»

К сожалению, ему уже было не суждено получить ответ на свой вопрос. Драконица взмахнула крыльями, поднявшись в небо, покрывшись эхом пламени мёртвого мира.

Слепок драконицы не собирался так просто уходить. Она слишком хотела показать свою власть, была обязана показать своему дитя, что сейчас издалека наблюдало за ними, настоящую силу.

В следующий момент королевство погрузилось в буйство энергии, отпечатываясь в легендах как лживое противостояние света и тьмы. Как противостояние ужасного некроманта, отвергнутого Богиней, и его попыткой свергнуть её.

И лишь немногие, те, кто видели настоящего Мордвина, будут помнить правду.

На улице светило яркое солнце. Погода была безоблачной, удивительно тёплой и приятной. Воздух был чистым, лишённым и намёка на демоническую энергию. Природа цвела, несмотря на то, что скоро уже начинались холода.

Нориэль стоял напротив пустой могилы друга. От его тела ничего не осталось, но молодому эльфу показалось, что Мордвин был бы не против, если бы ему оставили подобное напоминание.

Лицо Первородного ничего не выражало. Он стоял и смотрел на могилу, не говоря ни слова. Рядом с могилой лежал Да-Ру.

— Глупый, глупый Мордвин... Глупая букашка...

Было тяжело сказать, сколько раз он уже повторил это. Это было и неважно.

— Он ушёл так, как хотел, прекрасный, — негромко прошептала Мариль. — Он ушёл без сожалений.

— Он ушёл трусом, — сквозь зубы прошипела Каура, вытирая красные от слёз глаза. — Трусом...

Никто не стал ничего говорить жене Мордвина. Она всё равно не стала бы ничего слушать.

Постояв ещё какое-то время у могилы, она ушла. На этот раз — навсегда. В столице их никто больше никогда не увидит, если вообще где-то в королевстве. В роду отца им не будет места. Слишком опасно.

Остались Да-Ру, Нориэль и Мариль. Женщина ещё какое-то время стояла рядом с драконом и эльфом, после чего печально вздохнула.

— Мне будет, что рассказать своим потомкам. Спасибо за всё, Нориэль.

Женщина, одна из первых Героев, что победила наместника демонов, ушла. Нориэль не стал ничего говорить.

Остались лишь эльф, юный дракон и духи.

Человека больше не было рядом. Нориэль быстро потерял счёт времени, простояв у пустой могилы всю ночь. Лишь к рассвету, когда солнце начало восходить, Нориэль пришёл в себя.

Да-Ру, существо, что могло жить сотни и сотни лет, совсем не торопило учителя и наставника.

Разве что чуть-чуть.

«Я голодный».

Нориэль слабо улыбнулся.

— Нам нужно посетить кое-кого. И затем кое-кого ещё.

Дракончик дёрнул хвостом.

«После еды?»

— После еды.

Это была самая обычная хижина, каких в королевстве было неисчислимое количество. Единственное, что выделяло её — она находилась у самого леса. Леса опасного и страшного.

Вокруг не было ни единой живой души, но это мало интересовало владельца хижины.

У хижины их уже ждала пожилая женщина, находящаяся на грани смерти. С посаженными глазами, сутулая, морщинистая, было уже чудом, что она дожила до своих лет в столь опасном месте.

Но по-настоящему её выделяло другое.

Смуглая кожа. Смуглая кожа и бесчисленные татуировки, которыми было усеяно всё тело.

Она прибыла с запада. Из объединенных земель, где когда-то давно правил Малик.

Прошлое не захотело отпускать эльфа.

Нориэль не знал, как она пересекла лес Загубленных Душ. Не знал, пересекла ли она его одна. Но что он точно знал — Малик. Оставить в живых Малика было гигантской ошибкой.

Лесной мираж мог забрать его душу, но Нориэль попросил этого не делать.

Зря. Зря, зря, зря...

Старуха, видя приближение Первородного, улыбнулась безумной, беззубой улыбкой. Её глаза загорелись фанатизмом, какой эльф ещё не видел никогда.

Едва перебирая ногами, она подошла-подбежала к Первородному, упав на колени. Из её рта стал доноситься язык, который эльф не слышал последние несколько сотен лет.

— Великий Дух! Прекрасный Великий Дух, я знала! Знала, что не ошиблась!.. Цветы, прекрасные цветы Великого! Я...

Нориэль ничего не выражающим взглядом смотрел на женщину, после чего с его губ сорвалось едва слышное:

— Закрой свой поганный рот, старая женщина. Я не разрешал тебе говорить.

Грубый, гавкающий язык. Он стал за последние несколько сотен лет ещё более грубым, и молодой эльф этим пользовался.

— Великий!.. — схватилась за сердце старуха.

— Отвечай, что ты забыла в этих землях?

— Воля всех царей, Великий! — прокричала старуха. — Воля всех царей!

Нориэль нахмурился, его взгляд заострился.

— Воля?

Из глаз старухи пошли слёзы.

— Цари жаждут новых открытий, Великий! Жаждут исследовать земли, отрезанные непроходимым лесом! Жаждут посадить фиолетовые ирисы и орхидеи по всему миру! Воля Первого Царя, передаваемая из поколения в поколение!

Молодой эльф почувствовал, как земля начала уходить у него из-под ног.

Его мысли окончательно подтвердились.

Всё происходящее было лишь интригой. Гигантской интригой, что захватывала всё королевство. На судьбу Мордвина повлияли искусственно, дестабилизируя ситуацию во всём королевстве.

Целители были слишком влиятельны, и внести разлад в их общину было лишь частью чего-то огромного. Но затем появился Нориэль, и ситуация была переиграна.

Про неожиданную болезнь короля и говорить нечего. Старуха заручилась поддержкой принца, помогла ему сесть на трон раньше времени.

Это была лишь вершина айсберга. Она явно сделала больше. Сделала за кулисами столько, сколько Нориэль не мог себе даже представить.

Интриги. Проклятые людские интриги. Как же он их ненавидел.

— Как много вас здесь?

— Осталась лишь я, прекрасный Великий Дух, — всхлипнула старуха жалостливо. — Лесной мираж, воплотившийся кошмар, наш страж и надзиратель, отвлёкся, ошибся, позволив нам узреть чужие земли. Должны были быть другие, давно, но их нет! Нет! Осталась лишь я! Я...

— Поднимись.

Старуха тут же подчинилась, но лишь для того, чтобы стать жертвой бесчисленных лиан. Те, прорастая прямоком из земли, стали медленно, но верно оплетать удивлённую женщину.

— В-великий...

Из глаз женщины пошли слёзы горечи. Она не знала, в чём провинилась.

— Это была не ошибка.

Лесной мираж намеренно это сделал. Чтобы эльф не забывал.

Смуглая женщина удивлённо ахнула, после чего начала уходить под землю. Так и не успев ничего сделать или произнести, старуха оказалась заживо погребённой. Вскоре её аура развеялась.

Нориэль прикрыл глаза, чувствуя, как в нём начала медленно утихать ярость.

Его ранее светлая аура неуловимо потемнела.

Он мог вытащить из неё многие знания, но... нет. Он не мог. Не мог. Иначе это могло закончиться ещё хуже. Ещё ужаснее.

Молодой эльф развернулся в сторону Да-Ру, что должен был поджидать его чуть поодаль. Вокруг хижины начали весело танцевать огненные духи, погружая её в пламя.

Теперь в северных землях действительно наступит мир.

Они вновь отправились в путешествие. На этот раз они шли намного медленнее, наслаждаясь

каждым увиденным мигом, но при этом практически не делая остановок.

Посетили бесчисленные деревни и поселения, послушали десятки и сотни историй, рассказов, рождённых на глазах легенд и поверий.

Они слышали про злого некроманта, про страх перед трупами, про свет Богини и гигантское существо, служившее Исцеляющему Трупы, павшее от её рук.

Да-Ру очень не нравились эти истории.

Они слышали про потомков страшного некроманта, что стали гонимы по всем северным землям. Про благородного короля, что ценой своего разума принял в себя Богиню и принёс в королевство мир.

Было это наказание Богини или король просто не выдержал единения с ней, но он уже не был тем, что раньше. Королевство в ближайшем будущем ждали потрясения.

Нориэль видел короля, ходил к нему, думал взять цену. Но, увидев, в каком он был состоянии, передумал.

В конечном итоге и отец, и сын оплатили сполна.

Они слышали про флейтиста и его танцовщицу из деревни Фригмор, что уже вот-вот обещала перерасти в город.

Каждый год флейтист и танцовщица устраивали зимний ритуал, и Нориэль посетил его. Встретился взглядом с давно повзрослевшими детьми, улыбнулся им и ушёл.

Ему было слишком больно видеть, как быстро они перестали быть детьми. Как постепенно приближались к закату.

Они слышали истории про славных Героев, что ценой своей жизни победили ужасного наместника и вернули мир. Про могущественных, что появились в самый нужный момент и отогнали тьму. Про прекрасного эльфа, что флейтой и песнопением вёл Героев и могущественных чудотворцев.

Столько историй. Столько песен и стихов.

Столько правды и ещё больше лжи.

Спустя одну зиму Нориэль и Да-Ру вновь оказались на поляне в лесу. В лесу, в котором

Мордвин впервые прикоснулся к чуду, поверил и полюбил его, несмотря ни на что.

И перерождённый дух совсем не удивился тому, что увидел.

— Оpozдал, — прошептал Нориэль.

Перед ним было четыре мёртвых дерева. Давно лишённые листвы, с сухими, ломающимися от одного прикосновения ветками, с многочисленными трещинами и расколами.

Поляна цвела, но деревья, что оберегали её, были давно мертвы.

Прекрасные нимфы так и не дождались его.

Молодой эльф сел на поляне рядом с мёртвыми деревьями, сняв с пояса флейту. Рядом с ним прилёг юный дракон, приготовившись слушать игру.

Нориэль поднял взгляд на восходящее солнце, думая над тем, куда ему идти дальше. Он знал, что однажды ему нужно будет вернуться в эти земли, чтобы помочь ледяным феям, застрявшим под озером, чтобы, если люди северных земель не справятся, если Богиня вновь не вмешается, закончить незавершённые ещё сотни лет назад дела, но...

До этого момента было ещё много времени. Молодой эльф не собирался оставаться здесь. Не хотел, не мог, не должен был. Ему нужно было идти дальше, развиваться и познавать новое, чтобы быть готовым, когда придёт время вернуться.

Давние (давние?) слова Богини ненароком возникли в его голове:

«...потомки Первородного должны всё ещё существовать в этом мире, мудрый...»

Нориэль прикрыл глаза, неспешно заиграв на флейте. Заиграл грустно и печально.

Его путь лишь начинался, но для начала ему нужно было немного отдохнуть. Где-то далеко. Где-то, где, вполне возможно, всё ещё могли существовать потомки Первородного. Где-то, где, по преданиям племён, могли быть намёки на таинственных песочных людей. Где-то, где Нориэль мог продолжать развивать своё чудо и потянуться ещё дальше. Он не собирался останавливаться. Не мог и не хотел.

На рассвете они держали путь на далёкий восток.